

Польский идиолект польско-литовского пограничья (из Суженской апилинки Вильнюсского р-на)

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА КОНИЦКАЯ

Вильнюс

The article examines phonetic and morphologic particularities of Polish idiolect from Polish patois circulating in the Northern part of Vilnius region of Lithuania in the domain belonging to Lithuania within the period between World War I and World War II. The detected phenomenon is compared with those phenomena, verified in different researches of Polish patois, specially in the works of H. Turska. There were identified some slight idiolect distinctions, influenced by Lithuanian language and the tendency towards accuracy of Polish discourse. In spite of these distinctions, under bilingual condition and without supporting influence of Roman-Catholic church and Polish school, high level of integrity of Polish language is verified. This points to very deep roots of such a phenomenon as Polish language of Lithuania.

Летом 1996 г. диалектологическая экспедиция студентов-полонистов ВУ проходила в дер. Суженис Вильнюсского р-на Литвы. Исследованный ареал находится в месте, где в 1920-1939 гг. проходила польско-литовская граница, так что часть деревень, обследованных в ходе экспедиции, в межвоенный период относилась к Польше, часть — к Литве. Условия существования польского языка в это время здесь были различны: на территории Польши польский был языком администрации, школы и др., на территории Литвы, естественно, все складывалось наоборот: административным языком был литовский, школы были с литовским языком обучения. Поэтому польский язык на этой территории, если он оставался языком местного общения, оказывался без всякой внешней “подпитки”. Отсутствие польских культурных центров (в виде школы, а часто и костела) делает местный язык сугубо традиционным: в прямом смысле слова он может существовать только как продолжение традиции говорения дома и/или в деревне. Поэтому исследование такого польского языка, не поддержанного школьным образованием, становится интересным во многих отношениях. Наиболее актуальным пред-

ставляется вопрос: в какой мере сохраняется традиция “польщины виленской”, описания которой дала Г. Турска [1982; 1983], а также как местный польский соотносится с более широким фоном польских говоров Литвы.

Для того, чтобы попытаться ответить на эти вопросы, были проанализированы тексты записей бесед с жительницей дер. Жидовейняй, находившейся на территории межвоенной Литвы. Мальвина Марцинкявичене (Marcinkiewiczowa, далее в тексте М.М.), 1922 г. рожд., уроженка расположенной неподалеку дер. Биндюкай, закончила 4 класса литовской школы (д. Граужине). Она вышла замуж в дер. Жидовейняй, где все говорили по-польски, и около 50 лет прожила в этой деревне.

М.М. считает себя полькой, в паспорте записана полькой, ее муж тоже был поляком, или, по ее словам, *v'encej pol'akim*. Но вообще в ее семье довольно сложная языковая ситуация:

my tak'æ m'ešancyll vo synove... jednato i n'e rozumipq pol'sku ll z El'ektrenâš
l oni f Kovn'e s synam žjjo l to n'e rozumi l a d'v'e m'endzy sobo rozmav'ajo
po lit'fsku l a tu pšjjoxašy po pol'sku u nâš râzma v'ajo ll sin to teš' pišes'a
pol'ak ll i vo v m'aškan'u ... ž'ona jego pâ pol'sku rozmav'a i dz'eci u nîx v
m'aškan'u pâ pol'sku l v Vil'n'e ll
— *A pozostali?*
— a tak fšistik'æ ...
— *Litvini?*
— litvini l litvinj ll
— *I po litewsku rozmawiajo?*
— pâ lit'fskû ll

Родители М.М. дома (в д. Биндюкай) говорили по-литовски. Молится и исповедуется М.М. по-литовски. По-польски она научилась говорить в родной деревне, так как многие соседи говорили по-польски. По словам М.М., ни одного языка она, как и другие жители окрестных деревень (Биндюкай, Жидовейняй, Савиденай), не знает хорошо (очевидно, имеется в виду литературный язык):

vam moža l'žej po pol'sku l muciv' pâ p'ol'sku ll my dobžu ni ták n'e um'emî
l ni ták ll al'æ uot z muciv'e zmuvims'a.

М.М. легко переходит с языка на язык, в нашем присутствии она обращалась к невестке по-литовски и затем продолжала разговор по-польски. В середине беседы один из вопросов был задан по-литовски, и М.М. тут же стала отвечать на него по-литовски. Она следит за чистотой языка, старается говорить правильно, поправляет свою речь или говорит, как бы “затирая” окончания, в которых не

уверена. Наблюдались случаи, когда она ожидала подсказки со стороны или же прямо пользовалась предложенными в вопросе формами (один из примеров такого речевого поведения см. выше). Каким образом по ходу разговора происходит “коррекция” речи, можно проследить по употреблению форм *od nás ~ ód nas* в отрывке:

nu to tu *od nás* n'ædužo || z' Bin'dz'uk nixt n'æ vyjexal | i s't'ont / Židovejn'of nixt n'e vyjexal || z Goc'kišek Kivil'š'i tak'α | al'α uoni to n'æ st'ont vyjexali | al'e pšijaxali | byli vuv'æzz'onα i pšī... i .. stamtənt | z Rosji pšijaxali do Pol'ski || a tak *od nás* tyko co pisalis'(e')α | a vyjexac' nu tu *ód nas* Kivil'š'i ||

Ср. также самокоррекцию окончания числительного: *fšistk'α to dvanas'c'α ... c'ę dz'eci obejmovali*.

Фонетика

Гласные

Из наиболее характерных признаков отметим возможность редукции в безударных слогах при произношении гласного на месте *a*: *dagany, do Sužan* и др.

Гораздо более заметно это явление для гласного *o*, степень редукции которого может быть весьма различной: от краткого, слабо лабиализованного *ǎ* (*do gospadažďf, pǎjaxali, palǎžila, dǎ jej*) до нелабиализованного *α* (*uspakojilas'α, n'epašebne, pravovali, pastavi, pad okna padejdo, pa Vožim naradzen'u, v'ečarami, za partyzanaf*) или *ə* (*stamtənt*). Редукция гласного не является обязательной, в ряде случаев в предударной и особенно в заударной позиции достаточно последовательно произносится *o*. Можно выделить по крайней мере несколько категорий слов, в которых такое произношение представлено практически регулярно. Это: 1) наречия на *-o*: *čensto, dužo, n'ædužo, c'ēnško, bardzo, dal'eko, povinno, prentko, prosto, fšystko, kil'ko, napevno*; 2) твор.п. ед.ч. ж.р.: *svojo jajko, za mojo pam'en'c'o, p'e-xoto, s to palečko, nad to vodo, s to kob'eto, z al'el'ujo, pšed v'el'kon'oco*; 3) род.п. ед.ч. м.(ср.) р. прилагательных и местоимений: *fšistk'ego, p'eršego, žadnego, ni jednego, okuratnego, rusk'ego, jak'ego, za tego, za jego*; 4) формы притяжательных местоимений *mój, swój, twój: svojimi, mojego*; 5) некоторые корни слов: *xodzili, xorovala, gospady'n'a, gospodaš, gotovali, kolys'ki, kob'ety, modlilas'a, pol'aki, rozumi, robili*. Что касается последнего случая, то, как можно заметить, во многих корнях гласный находится в соседстве с заднеязычным согласным, что могло бы способствовать сохранению более заднего произношения безударного гласного.

В единичных случаях редукция заударного *o* приводит к появлению *ú*, *u*: *kolú nás, pšuxodzu tu k'edy d^uv'è*.

В начале слова, как правило, сохраняется нередуцированный *o*: *oviečki, og^èera tšumali, obejmovali, ojcov^è*. В одном слове отмечено произношение *a* на месте этимологического *o* в начале слова: *arganisty* (во всех случаях его употребления). Очевидно, что такое произношение носит нефонетический характер и связано с заимствованным характером слова. Влиянием русского языка объясняется *o* в слове *vrožyli* [Turska 1983, 17].

В некоторых словах отмечено вариативное произношение ударного гласного: *rojsty ~ rùjsty: a rojsty to byli ... / nu a tak rùjsty / n^è byla nazváf na rojsty*.

Произношение *u* в некоторых случаях в безударной позиции также может иметь нефонетический характер. Так, в слове *pulova* (*pu^{l^uova z'emi}*) (о.-польск. *połowa*) и вызвано аналогией с *pul*: *pul'ski/aŋ'ki vody* (о.-польск. *poł*); *u* в слове *subota* обусловлено русским влиянием. Произношение безударного *o* на месте этимологического *a*, обычно объясняемое как гиперизм [Turska 1982, 83], отмечено в речи М.М. в глаголе *pot'entam*, а также: *obydvo* (*synov^è obydv^o*), при наличии формы с *a*: *obydva*.

Гласный *e* в безударном положении может также либо оставаться того же качества: *bende, zafšè, pšèžegnac'a, pšestalo, fšen'dz'e, nigdz'e, muv'e, zmuv'ans'e, n'è jedli, n'ev'adom, da k'ešen'a, p'erv'astka*, либо произноситься как гласный более узкий и высокий (*i, i, e, y*): *na v'el'kanoc, p'en'onđza, kis'el', počn'e, vutyji, bendzi, žžyt'n'ej, pšudn'ej, najv'encyj*, либо произноситься как гласный более низкий (*æ, a*): *ščapifšys'a, razam, lubak, vijurak, muv'a, moga, zafša, ješč'a, prandžej, pšanica, žrabuka, čarvony, pav'æsili, pšijæxali, v'æčoram, dz'afciŋkof, vyjaxali, pšijaxali, jaz'džili, z'b'æralis'a, c'aluxi, člov'æk, n'adz'el'a, l'ačyl'i, n'a brál, n'æ možna, Bark'ališ'ki, na m'æškan'a, mlodz'æš, po hac'æ, na mašin'a*. Иногда степень редукции может быть еще более значительной: *Jegomant, v'encaj, každan, jænzyku, kis'bl'*.

Как можно заметить по приведенным примерам, распределение вариантов безударного гласного трудно связать с определенными позиционными условиями: в одинаковом положении может произноситься и более узкий, и более широкий гласный. В ряде случаев отмечено разное произношение в одних и тех же словах или формах, ср: *v Vil'n'e, po hac'e ~ po hac'æ, na počc'æ ~ na počc'e, v misece, v misca, v'æčorem ~ v'æčorem; červona ~ čarvony, može ~ moža, benda, muv'a ~ muv'e, liče, najv'encyj ~ najv'encej ~ najv'encaj*.

Из фонетических условий можно отметить более регулярное α (æ) после мягкого согласного перед шипящими и dz' , c' : $\text{l}'\text{a}\text{c}'\text{yl}'\text{i}$, $\text{do m}'\text{a}\text{s}'\text{k}\text{an}'\text{a}$, $\text{m}'\text{a}\text{s}'\text{k}\text{aj}\text{o}$, $\text{nal}'\text{a}\text{z}\text{onca}$, $\text{dz}'\text{ac}'\text{u}\text{k}$, $\text{dz}'\text{a}\text{c}'\text{u}\text{ka}$, $\text{n}'\text{adz}'\text{el}'\text{a}$, $\text{kan}'\text{dz}'\text{a}\text{-}\text{z}\text{ava}$ и т.д.

В некоторых случаях можно предполагать зависимость фонетической реализации от морфемы: так, суффикс $-\text{ek}$ обычно выступает в виде $-\text{ak}$ ($-\text{ak}$): vypadak , vijurak , lubak , $\text{s}'\text{rodak}$, а в приставках (предлогах) prze- , przez(-) обычно представлено e : $\text{p}\text{e}\text{z}\text{z}\text{imak}$, $\text{p}\text{e}\text{z}\text{okna}$, $\text{p}\text{e}\text{z}\text{e}\text{z}\text{gnac}'\text{a}$, $\text{p}\text{e}\text{z}\text{e}\text{z}\text{gnalams}'\text{a}$, $\text{p}\text{e}\text{s}'\text{e}\text{ji}$. В некоторых лексемах регулярным является произношение e : $\text{s}'\text{v}'\text{encone}\text{j}$ (vody), $\text{na z}'\text{el}'\text{ony}$ ($\text{s}'\text{v}'\text{ontki}$). В других лексемах (корнях) постоянно произносится только α (æ): $\text{m}'\text{a}\text{s}'\text{k}\text{an}'\text{a}$, $\text{m}'\text{a}\text{s}'\text{k}\text{aj}\text{o}$, $\text{p}\text{s}'\text{i}\text{j}\text{a}\text{xali}$, $\text{p}\text{a}\text{j}\text{axala}$, $\text{jaz}'\text{dzili}$, $\text{c}'\text{aluxi}$.

В начале слова гласный e в бытовой лексике, которая представлена в диалектной речи, обычно не выступает. В одном слове встретилось произношение α в соответствии с о.-польск. e : $\text{z apil}'\text{e}\text{p}\text{-sijej}$ (см. выше произношение α в слове arganisty), хотя в названии $(z) \text{El}'\text{ektren}\text{af}$ в начале слова выступает e .

В соответствии с о.-польск. u в положении после шипящих обычно произносится звук i , средний между i и y : $\text{z}'\text{tjo}$, $\text{p}\text{s}'\text{i}\text{j}\text{axaf}\text{šy}$, $\text{parai}\text{šil}$, $\text{vlo}\text{žil}$. В редких случаях такой же звук (или звук еще более переднего образования, вплоть до i) встречается и после других согласных: riba , $\text{bri}\text{čka}$, Giedris , sin , dosic' , $\text{tik}'\text{o}$, $\text{magazin}'\text{čik}$, koperativy . Больше всего случаев такого произношения отмечено после r , что обусловлено его меньшей твердостью в этих словах по сравнению с о.-польск. Но если Г Турска отмечает особенно выразительное i на месте о.-польск. u в пении или при протяжном произношении [1982, 90], то в идиолекте М.М., наоборот, при протяжном произношении появлялся совершенно отчетливый y : $\text{vro}\text{žili}$ / $\text{vro}\text{žiyili}$.

Носовые гласные отсутствуют, на месте о.-польск. носовых произносятся сочетания с носовыми согласными перед щелевыми переднеязычными согласными или неносовые гласные (в конце слова в соответствии с [ą]): $\text{vz}'\text{on}'\text{s}'\text{c}'$, $\text{c}'\text{en}\text{sko}$; moga , $\text{muv}'\text{a}$, $\text{um}'\text{a}$, $\text{p}\text{s}'\text{i}\text{-}\text{z}\text{a}\text{z}\text{d}\text{aj}\text{o}$, ($\text{p}\text{a}\text{p}\text{ra}\text{v}\text{il}\text{by}$) $\text{svoja ta ma}\text{šina}$ и под.

В конце слова может происходить полная утрата любого гласного или его сильное ослабление: $\text{n}'\text{e}\text{v}\text{adom}$, $\text{do Pol}'\text{sk}\text{i}$, litvinj , $\text{on}'\text{e by}\text{li}$, $\text{p}\text{a}\text{xodzilj}$, $\text{t}\text{š}\text{imalj}$, $\text{lon}'\text{k}\text{i}$, $\text{vyl}'\text{e}\text{čj}$, ryko , $\text{r}\text{a}\text{z}\text{mav}'\text{aj}\text{o}$, $\text{m}'\text{a}\text{s}'\text{k}\text{aj}\text{o}$, $\text{n}'\text{a}\text{e byla}\text{ qk}\text{uratnego}$, $\text{z}'\text{b}'\text{e}\text{ras}'\text{a}$, $\text{v Vil}'\text{n}'\text{u}$, $\text{v maju m}'\text{a}\text{s}'\text{oncu}$, $\text{p}\text{a lit}\text{e}\text{fsk}\text{y}$.

Гласные o , e часто произносятся с u -, i -образным призвуком в начале звучания, особенно в ударной позиции: "oni , "ov'es , $\text{do "Onik}\text{št}$, k"on , k"oni , gor"onca , ž"ona , patsl"odzo , "og"era , "igla , dal"eko , $\text{dz"e}\text{-ci}$, $\text{s'p"i}\text{evac}$, $\text{s'v"e}\text{cy}$, kob"eta , zm"el'o , zal"ejo , $\text{zam"e}\text{šo}$. Возможно и

произношение полного дифтонга: *tluokna, luoŋka, uowieċki, dzien', vie*, и произношение без протетического призвука: *ov'es, obrona, kosof, na ostatku, z Onikšt* и др. Практически всегда с протетическим призвуком произносятся личные местоимения 3 л., иногда в их начале произносится гласный более высокий (типа *ɨ*): *ŭna, u'n'e*. Появление протетического призвука в других словах может быть связано с фразовыми условиями (сильная фразовая позиция): *Jegomant n'æ bardzo dal'eko / Jeg'omant; ten Pampaloiċ juš tyl'a p'ol'ak taki*.

Среди довольно редких явлений отмечено появление более узкого и высокого гласного *é* под ударением в соответствии с о.-польск. *e*: *n'æ v'ém, dz'én'*.

При произношении мягких согласных перед гласными непереднего ряда может появляться более или менее ярко выраженный *i*-образный переход: *v'osak, živ'oly*, особенно заметный после губных согласных, где он может развиваться в *j*: *p'jontak*. Это явление, совпадающее с о.-польск. нормой, нехарактерно для польских говоров Литвы и представляет собой одну из ярких черт идиолекта М.М.

Из других фонетических явлений отметим возникновение пазвуков (типа гласных вставок) в некоторых группах согласных: *m'šo, dž'vi, d'v'e, l'žej, z'je*.

Согласные

Шипящие согласные *š, ž* и аффриката *č* произносятся менее твердо, чем их польские аналоги, особенно если они находятся перед мягким согласным или перед гласным переднего ряда: *poč'n'e, uċic'el'ka, fšistko, šic', Bark'ališ'ki, palážyla, zapaži, žili, pšež'egnac'a, može* (а также: *butal'eċka, paleċ'ka, daš, poċ'ela* и др.). Однако возможно и более твердое произношение шипящих: *skšydajo, fšystko*. О более мягком произношении *r*, чем в о.-польск., речь шла выше.

В одном случае отмечена утрата щелевого элемента в аффрикате *č*: *ti jaka d'ež'a*. Один раз отмечена замена *s* < *š*: *oċ'a nas*, что носит, скорее всего, нефонетический характер.

Мягкие *dz', c'* произносятся менее мягко, чем в о.-польск., т.е. являются согласными не палатальными, а переднеязычными: *d'e-ža, xod'i, po xac'e, krencis'e, tšinas'c'æ, xc'ala* и т.д. В речи М.М. не встретилось произношения мягких *t', d'* (без аффрикатизации), единственный случай отмечен в топониме *M'eškal'd'im'a*. Смгаченные неаффрикатизированные *t', d'* произносятся также в сочетаниях перед мягким согласным: *žut'n'ej, kru'ki, ob'eđ'v'e* (см. ниже).

Заднеязычный щелевой *x* перед *i* произносится мягко: *straxi, troxi, zaxilila, vuxil'ony*. В позиции перед взрывным в соответствии с

сочетанием *kt* произносится *xt*: *xto, xtura, xtura, xturen, nixt, doxtoro-v'e* (диссимиляция заднеязычного взрывного). В некоторых словах в соответствии с о.-польск. *g* произносится звонкий заднеязычный щелевой *ɣ*: *duyi*. В положении перед заднеязычными произносится заднеязычный носовой *ŋ*: *mal'eŋka, moŋka, mal'eŋ'ki, moŋ'ki, budyn'ki, luoŋ'ki*.

Характерно произношение *j* как слабошумного согласного, часто как гласного *i*, особенно в положении перед гласными переднего ряда: *iedzen'a*. В некоторых случаях такой слабый *j* может полностью (или почти полностью) утрачиваться, напр., в начале слов *jak, jaki, juš: musi akix p'en'c', ak slonaj s'ledzi z'je, musi juš, na v'osna juš*, в середине: *p'is'c', vus'c'*, в окончании: *z Ros'i, na kuc'a, pšet kuc'o, po kuc'i*.

Согласный *v* является губно-зубным, не теряет звонкости после глухих согласных (в отличие от о.-польск.): *xvuta, cervk'a, na svojim, glupstva, tvoja*. Звонкость утрачивается в позициях оглушения: *v litf-sk'ej fšistik'a, f subota zafše to pat sadzafka, mufc'e, dvanas'c'a patravaf*, не зафиксировано губно-губное произношение спиранта; более того, отмечена как бы упреждающая глухая губно-зубная артикуляция предлога *w*: *ff... v m'aškan'u*. Исключение составляет губно-губное произношение в частице *wot'wo: wo / patšaj, al'æ uot zmuvi'e zmuvi'm's'a*.

Широко представлена ассимиляция по твердости — мягкости в группах согласных: *z'm'eni, z'm'eli, ruz'n'a, vyl'ez'li, rus'ki, janis'kego, zak'on's'ki, v'os'ki, kolys'ki, s'v'ontki, fšis'tk'ego, do Gatavec'kix, Zavač'ki, pel'n'utka, kon'čilas'a, majon'tki, z žif'n'ej, kruš'ki, ob'ed'v'e; dubinska, ruz-nux, vyraznux, Mal'eŋka (jaz'orka)*, но также: *s'rodak, učic'el'ka, pal'comi*. Ассимиляции не происходит в сочетаниях с губными согласными: *mufc'e, zakupc'e*.

На месте о.-польск. твердых отмечено произношение мягких в словах *pil'n'ovac', monš*

Сочетания согласных *c's', čs, šs, žš, zž*, как правило, ассимилируются и упрощаются: *pokazyvac'a, robic'a, modlic'e, v misece, janiski, dluša, (ž)žita, (ž)žyt'n'ej*. Упрощению подвергаются геминаты внутри слова (*Kaz'ony l'as*) и появившиеся в условиях сандхи: *ši(dz') dz'afšičkof, pil'n'oval(c') c'eb'e, gospoda(ž) žiji, zotalis'a (v) v'osce*. Однако возможно и сохранение геминат: *pšezzimak, janisska, povinno*.

Сохраняется произношение групп согласных *stk, s'ik': fšystko, fšis't'ke*. В одном случае отмечено сохранение слабого звучания согласного *l* на конце слова после согласного: *"on zmar' teras*. В этой позиции как в о.-польск., так и в польских говорах Литвы согласный обычно не произносится. Сохранение его в идиолекте М.М. в виде

оглушенного сонанта носит, по всей видимости, гиперкорректный характер и свидетельствует о стремлении М.М. говорить “правильно”

Отмечена регрессивная ассимиляция по месту образования в слове *vez'niš* (*vez'niš* / *jak vyl'ečiš*).

Характер ударения представляет собой отдельную сложную проблему, требующую специального рассмотрения. Здесь из числа явлений, связанных с местом ударения, отметим лишь ударение на последнем слоге в ряде случаев (имея в виду, что это представлено не всегда): 1) сравнительная степень наречий *davn'éj*, *prandz'éj*, *puz'n'éj*. Если слово *davn'éj* постоянно встречается только в этой форме, то из 9 случаев употребления *puz'n'éj* лишь один раз оно было с ударением на последнем слоге; 2) форма повелительного наклонения: *vyl'eč*, *patšáj*, *čakáj*, но: *ótkryj*; 3) сочетания односложных существительных и местоимений с предлогами: *pod l'ás*, *na stól*, *na p'éc*, *na fést*, *da nás*, *u nás*, *od nás*, *u vás*, *u nix*, *dů jěj*, *do těj*, а также: *ód nas*, *vě fsi*; 4) сочетания односложных глагольных форм с отрицательной частицей: *n'æ v'ém*, *n'æ m'al*, *n'æ brál*, но и: *n'é m'al*, *n'é v'em*; 5) существительные с суффиксом -*úk*: *dz'ac'úk*, *pars'úk*; 6) некоторые экспрессивные слова или заимствования: *nadúć*, *daváj* (ср. также ударение на третьем от конца слоге в: *b'éžency*, а также в микротопонимах: *l'ou'ki... Galúvalkis nazyvali* / *Pav'ar's mis* / *Tarpúkal'na* / *Ngá-p'evis* // *Pákapis byla loňka*. Отмечен единичный случай переноса ударения в форме *švágrami*.

Особый случай представляет произношение частотных слов типа *tylko*, *jeszcze*, где возможен перенос ударения на последний слог, ср. различные варианты: *l'k'ó*, *tyko*, *tiko*, *ješče*, *ješča*, *jaščé*, *ješčé*, *jaščé*.

Фонетические явления, описанные выше, неоднократно отмечались исследователями “польщизны виленской”, начиная с работ К. Ница, Г Турской и др. [Turska 1982; 1983]. Часть явлений связывается с белорусским влиянием (напр., такие явления, как произношение слов с *a* на месте *e*, *o*, произношение мягкого *x'* перед *i*, *xl* < *kt*, *γ* в соответствии с о.-польск. *g* [Turska 1982, 65-67]), часть — с литовским. Сюда относится произношение *o*, “*o*, *uo*, произношение безударного *a*, *o* как *e* или *i*, звука *ι* (вернее, целого ряда вариантов более или менее переднего произношения гласного) в соответствии с о.-польск. *u*, особенно после шипящих и *r*, а также само произношение этих согласных, ассимиляции по мягкости-твердости, в том числе и *ln' > l'n'* (*pel'n'utka*), а также особенности в произношении геминат [Turska 1982, 96-107]. Случаи произношения сочетаний согласных с вставным гласным также отмечались Г Турской [1982, 106],

но только с вставным кратким *i* (типа *folivarek*) при произношении сочетаний, неоднородных по мягкости-твердости. Однако в идиолекте М.М. не отмечены некоторые фонетические явления, характерные для польских говоров Литвы: не обнаружены случаи замены $f > p$, $x > k$, исключительно редко появляются мягкие t' , d' без аффрикатизации; мягкое r' встретилось только в слове *saxarina*; отсутствует изменение $l' > l$ перед твердым согласным; не зафиксировано случаев произношения губно-губного w , перехода $v > u$, замены $v \sim u$, отсутствует упрощение некоторых групп согласных и др.

Из морфонологических особенностей представлено выравнивание гласных в парадигмах существительных и глаголов: *moj ~ moja*, *svoj ~ svoja*, *na stol ~ na st^ool'e*, *od stolu*; *kos'c'ol ~ do kos'c'ola*; *vloka ~ s'edem vlok*; *vol*; *zav'os*. Аналогичное по происхождению *o* в слове *znof*. В речи М.М. регулярны чередования *o ~ e*: *domp ~ na dembu*, *počol ~ počela*, *ks'onc ~ do ks'endza*, *vz'ol ~ vz'ela* и др., что составляет отличительную черту ее идиолекта (обычно исследователи отмечают выравнивание гласных в этих формах, см.: [Turska 1983, 18]).

Морфология

Здесь будут приведены лишь некоторые морфологические особенности, представленные в речи М.М.

Имя существительное. Общие замечания

Слово *s'ení* употребляется только во мн.ч., в то время как в о.-польск. это слово имеет и форму ед.ч. (*siení*). Отмечены случаи несовпадения родовой принадлежности существительных (слово относится к м.р., в то время как в о.-польск. к ж.р.): *kieszni: fk'ešen'u*, *da k'ešen'a*; и наоборот: (*slonej*) *s'l'edzi* (сущ. м.р. в о.-польск.).

Слово *organisty* (о.-польск. *organista*) склоняется по типу прилагательного: *organistego* и т.д. (тот же переход слова в группу субстантивированных отмечает Г. Турска, см.: [1982, 69]).

Существительные ж.р., относящиеся к менее продуктивным типам склонения, принимают окончание *-a* и переходят в продуктивный тип: *cerkv'a*, *p'es'n'a*, *gospady'n'a*.

Существительные, обозначающие молодых животных, относящиеся в о.-польск. к ср.р. (*cielę, źrebie*), получили суффикс *-uk* и склоняются так же, как все остальные существительные м.р.: *dz'a-c'úk*, *źrabuka*, *c'al'uk'im*.

Существительные ср.р. на *-o* (о.-польск. *siano, pole*) в им./вин.п. ед.ч. имеют окончание *-a*: *s'ana, pol'a, jez'ora, jajka, dżewa, tlokna, na m'æšk'an'a, pżez okna* и др. С этим связан переход некоторых существительных этой группы в категорию слов ж.р., т.е. они склоняются как существительные типа *siostra* и согласуются с прилагательными, причастиями, местоимениями в ж.р. В других случаях сохраняются падежные окончания и согласование по м.р. Это явление, хорошо известное в польских говорах Литвы, давно обсуждается в литературе (см: [Turska 1982, 83–84; 1983, 20; Масленникова 1973, 73–96; Kurzowa 1993, 257]). В качестве примера употребления слов такого типа (и согласуемых с ними в роде других частей речи) приведем следующий отрывок из текста М.М.:

jajka pol'ożi | nu i pušćajo | pšudy na pol'a pušćajo *te jajki juš* || nu to "oni ... fšis'tk'e tam jak zmuv'ans'e | ċi po dv'e | ċi *po jedna* na pol'a wypuskają || nu a potem juš puskaajo i xto ... z'biji *ta jajka* | trafi *swojd jajko* || *byva że tam* | i tši | ċtery z'biji *jeden* || *drugi ni jednej* n'æ z'biji ||

Судя по приведенному отрывку, слово *jajka* полностью перешло в ж.р. Другие слова сохраняют вариативность в употреблении форм м./ж.р.: *na pol'a, poli take'j pżezwanaj*, но: *na našim pol'u*. Родовую принадлежность таких существительных, выявляющуюся через формы косвенных падежей и конгруэнтных слов (прилагательных, местоимений и др.), затрудняются определить и сами местные жители, ср. отрывок из разговора с М.М.:

- *Co robili s tej tloknj?*
- *s tl'ok... tl'okna ta z 'ofsa robili* ||
- *S tego tloknja? czy s tej tloknj?*
- *z uofsu robili | nazywali tloknja* ||
- *To s tego tloknja co robili?*
- *tak zam'eša v misece || sciska | sciska i jedzo* ||
- *A jak mówili, "s tego tloknja" czy "s tej tloknj"?*
- *sss ... tej* ||
- *Tloknj?*
- *(tak)*
- *A "s tego tloknja" nie mówili?*
- *n'e* ||

В диалекте М.М. к словам, перешедшим к ж.р., относятся: *jajka, tloknja*; вариативностью характеризуются: *pol'a, jez'ora*; совпадают по падежным показателям с м.р.: *s'ana, dżewa, m'æšk'an'a, okna, naradzen'a, m'astečka, iedzen'a* и др.

Образование форм склонения

Существительные мужского (среднего) рода

В род.п. представлено окончание *-a, -u*: *da k'ešen'a, do p'eca, do ks'endza, do sagana, dz'æc'uka, za n'eboš'čika, do špital'u, kil'ko času, n'e cikru, da domu, od stolu, z l'uxtu, n'ema spokoju*. Дистрибуция окончаний в основном совпадает с о.-польск. Возможна вариативность в употреблении окончаний м.р.: *z uofsu ~ z ofsa*. В ср.п. окончание *-a*: *ž dževa, z' Vil'na, do Vil'n'a, do m'æškan'a, do c'asta, kolo Božego nara-dzen'a*.

В твор.п. выступают окончания *-em (-əm), -am, -æm*: *v'ečorem, v'æčoræt, s synam, roveram, pšed Božym naradzen'æm, vinam, z myd-lam*. В положении после заднеязычных выступает *-im*: *pol'akim, c'a-l'ukim*. Г. Турска также говорит об окончании *-im* после заднеязычных и связывает это с тенденцией к сужению гласных *a, e* [1982, 99], а в появлении форм твор.п. м.р. на *-om, -am* видит влияние белорусского языка [там же, 70].

В предл.п. представлены окончания *-e (-a, -æ), -u*: *na stol'e, v do-m'e, v dom'æ, na l'uxc'æ, v l'es'a, na dembu, na (svojim) jænzyku, na ostat-ku, f strachu, pšy zyd'l'u, f k'ešen'u, na p'ecu, v maju m'æs'oncu* (ср. также сущ. ср.п.: *f Kovn'e, v Vil'n'e, v Vil'n'u, v m'æškan'u, pa Božym naradze-n'u, v m'astečku*). В м.р. отмечены закономерные морфонологические изменения в корнях слов: чередования гласных *a ~ e, o(m) ~ e(m)* (о.-польск. *a ~ e*) и согласных. В ср.п. необычным является возможность вариативного употребления окончаний *-u ~ -e*, что, вероятно, свидетельствует об обобщении окончания *-u* для существительных с основой на мягкий согласный.

Существительные женского рода

В дат.п. отмечено окончание *-ej*: *gospadynej... a ni okrencic'af hac'e*, что можно расценивать как прямое заимствование флексии из литовского языка. Такое заимствование нечасто, но отмечается исследователями польских говоров крэсов [см., напр.: Czyżewski 1995, 81].

В вин.п. выступает окончание *-a*: *rapravitby svoja ta mašina; b'eži p'očta; f subota pat sadzafka; s'p'evajo cala p'es'n'a* и др. Это не может быть "результатом аканья", поскольку в этой форме никогда не является гласный типа *o*, что было бы закономерно при том характере фонетических реализаций *o*, который свойствен этому говору. Г. Турска в использовании формы им.п. в функции вин. видит морфологическое, а не чисто фонетическое явление [1982, 84].

О твор.п. речь шла выше, здесь представлено окончание *-o* (фонетический результат деназализации носового): *za moja pam'en'c'o*.

В предл.п. выступает окончание *-e* (*-α*, *-æ*) с чередованиями согласных в конце основы: *po robuoc'e*, *po v'osce*, *po hac'e*, *f hac'e*, *po hac'e*, *na rocc'æ*, *v'misca*, *na mašin'a*. Отмечено единичное *-y*: *v n'osu*, при варианте: *v n'oce*.

В им.п. мн.ч., вне зависимости от рода существительного, достаточно регулярно выступает окончание *-y* (*-i*, *-i*): *sklipy*, *dz'eci*, *pal'cy*, *xl'opcy*, *m'ešancy*, *pravaslafcy*, *gospádaži*, *pol'aki*, *dz'eduki*, *budyńki*, *loz'naki*, *k'oni*, *braci*, *živ'oly*, *pal'anzy*, *dževy*, *jez'ory*, *nazvy*, *v'os'ki*, *curki*, *s'v'esy*. Как видно из приведенных примеров, в идиолекте М.М. отсутствуют лично-мужские формы существительных. Однако у некоторых слов, обозначающих лиц мужского пола, отмечено окончание *-ov'e*: *doxorov'e*, *synov'e*, *ojcov'e*, что говорит, по крайней мере, о знакомстве с лично-мужской формой. Представлены также формы *židzi*, *menščiz'ni*, *litvini*, которые можно было бы интерпретировать как лично-мужские, если бы не то обстоятельство, что эти формы появлялись каждый раз после "подсказки":

- 1) *A tak fšistk'æ ... — Litvini? — litvini | litvinij ||*
- 2) *Czy męszczyźni kaczają jajki? — fšistk'æ kačajo | pšudy to v'encaj menščiz'ni ||*
- 3) *Pani mówi, że tutaj Żydzi mieszkali? — a tak ... židzi kuźden m'eli magazin'cik taki ||*

У сущ. ж.р. в им.п. мн.ч. зафиксировано также окончание *-e*, совпадающее с о.-польск.: *s'vin'e*. Один раз отмечена форма мн.ч. ср.р. на *-a*: *glupstva*.

Такое многообразие флексий нехарактерно для польских говоров Литвы, где отмечается обобщение окончаний в им.п. мн.ч. [Turska 1983, 20]. Нельзя не видеть, однако, что и в идиолекте М.М. представлена та же основная тенденция.

В род.п. расширенно употребляется окончание *-of* (*-âf*, *-af*), не только в м. и ср., но и в ж.р.: *sto litof*, *do cyganof*, *z barovikof*, *u žydoſ*, *v'el'kix rojstâf*, *do gospadažâf*, *za partyzanaf*, *n'a byla starav'erof*, *učila dz'afčynkof*, *kosof napl'eci*, *kozâf n'æ byla*, *m'eli kozâf*, *n'æ byla nazvâf*, *dvanas'ca patravaf*, *m'eli kozaf*. Наряду с тем, в ж.р. представлено также нулевое окончание: *dvanas'ca godzin*, *s kil'ko v'osak*, *p'en'c' vlok*, *s'edam vlok*, *jile palak*, *(z)žur'ovin*. Нулевое окончание представлено также в топонимах pluralia tantum: *z Onikšt*, *do Gravžin*, *do Sužan*, *da Janišak*, *kola Dubinak*, *do Grunklišak*, *z' Bin'dž'uk*, *z Goc'kišek*, *z Bark'elišek* (но: *Židovejn'of*).

В твор.п. встретились формы на *-omi*: *pal'comi*, *rankomi* (ср.: *z pie-niędzomi* [Turska 1983, 20]). В других случаях представлена форма на *-ami*: *rojstami*, *z' jamčarami*, *v'ečarami*, *cyganami*, *pal'anami*. Остальные падежные окончания не требуют специальных комментариев.

Местоимение

Наряду с личным местоимением мн.ч. им.п. *oni* употребляется форма *on'e: uoni tu juš v'encej švágrami pšijažđžajo // uon'e v'encej žeš juš tam pol'aki fšistk'a byli*. Ее можно объяснить аналогией с формой им.п. мн.ч. указательного местоимения *te*, учитывая к тому же возможное поддерживающее влияние литовского местоимения мн.ч. *jie*. Вообще же ни Г. Турска, ни З. Курцова такой формы местоимения не отмечают.

Отсутствуют энклитические формы косвенных падежей личных и притяжательных местоимений: *to'b'e, c'eb'e, mn'e, jeho, jemu; svoje-go, mojej* и т.п.; отсутствуют формы с начальным *n* в сочетаниях с предлогами: *u jěj, z' jo, z jimi, dđ jěj* (один раз отмечено: *u nix*). В сочетании с предлогами, как уже отмечалось выше, ударение обычно на местоимении: *da nás, u nás, u vás, od nás*. Эти явления регулярно описываются в исследованиях польского языка Виленщины [см.: Turcka 1983, 20–21].

Притяжательные местоимения: 3 л. ж.р. ед.ч. — *jej: z' jej kol'e-žaŋko*, но возможна форма *jejna*; 3 л. мн.ч. — *jixny: jixna musi dva*; 1 л. м.р. ед.ч. — *naši: tam naši člov'ek pracoval*. Эти местоимения (кроме последнего, о котором редко упоминают исследователи), совпадающие с белорусскими, хорошо известны в польских говорах крэсов. Не менее известны и отмеченные в речи М.М. местоимения *kužden, každэн, xturэн*, образованные по аналогии с местоимением *en, tamten*, либо по аналогии с прилагательными типа *žaden* [см.: Kurzowa 1993, 187; Паршута 1985, 138].

В склонении указательного местоимения *ta* регулярной формой твор.п. является форма *to: s to kob'eto*. Отмеченная форма *s toj — s toj / z' jej kol'ežaŋko* — объясняется влиянием русского языка. В вин.п. в соответствии с о.-польск. *te* выступает форма, совпадающая с им.п.: *zam'eša ta moŋka; pđstavil ta voda*.

Необычной чертой речи М.М. является отсутствие неопределенных местоимений и наречий на *-š* (*ktoš, coš, któryš, kiedyš*) и их диалектных вариантов на *-šci, (-šcik)* (*jakišci, ktošcik* и под.), широко распространенных в польских говорах Литвы: *pšixodzu tu k'eđy d'v'e; ftenčas do jak'ego ... do sagana; moža xto vas straši tyk'ó*.

Прилагательное, причастие, порядковое числительное

Из этих форм отметим лишь использование единой формы с окончанием *-e, -a* для всех родов в им./вин.п. мн.ч.: (*krovu*) *c'e'l'na byvajo, stara "ovieč'ki, tak'a dluša luoŋ'ki, v'os'ki fšistk'a n'emala, pol'aki fšistk'a sužan'sk'a, tak'a krevna; mojə pal'cy, Zas'caŋki tak'a, naša v'os'ki, fšistk'e tak'e sama, fšistk'a (dzieci), z'b'erális'a fšistk'e,*

drug'a pili, drug'æ muv'o, s'eni pelna zagrużona, kolys'ki pav'eš'ona, byli vuv'æz'ona, my nal'ażonca, čarne s'v'esy, pelne s'eni. Единично отмечена также форма на -у: *z'e'lonu s'v'ontki*, что можно трактовать как фонетическое явление (результат редукции), хотя не исключены и другие интерпретации.

Числительное

В м.р. отсутствует лично-мужская форма, в этой позиции выступает форма, совпадающая с нелично-мужской формой: *dva braci, žili tyko dva, čtery synov'e.*

Из форм косвенных падежей отмечена форма *dvumi (pal'comi)* — возможная контаминация основы косвенных падежей числительного *dva* и окончания мн.ч. тв.п. сущ. -*mi*.

Собирательные числительные, как правило, отсутствуют (*nas pšiv'ez'li do Vil'n'a čterdz'es'c'a*), отмечено только одно собирательное *trojæ (koni)*.

В соответствии с о.-польск. *obydwaj* представлены старые формы числительных *obydva (braci), (synov'e) oby dvo*, ж.р. — *ob'ed'v'e.*

В числительных *dwanaście, trzynaście, czterdzieści* выступает окончание -*a*: *dvanas'c'a godzin, dvanas'c'a patrolaj, dvanas'c'a... c'e dz'eci, tśinas'c'a l'at.*

Неопределенное числительное *kil'ko* не изменяется по падежам: *z'b'eralis'a s kil'ko v'osak.*

Глагол

Энклитическая форма возвратного местоимения постоянно закреплена в постпозиции глагола: *Olkun'ski (l'as) tu krencils'a; mašina troxi patpsulas'a* и др.

В употреблении спрягаемых форм глагола обращает на себя внимание частое использование личного местоимения: *ja n'æ pom'entam, ja n'æ v'ëm, ja vupav'edz'aləm, ja jej n'æ slyšaləm, my dobżu n'i ták um'emi / n'i ták, ja benda modlic'a* и др.

Отмечена итеративная форма: *a xto n'æ m'ál / to juš opxadzals'a tak.*

Спрягаемые формы

Настоящее (будущее простое) время

1 л. ед.ч. — представлены окончания: 1) -*a* (-*α*, -*æ*, -*e*): *moga, kladna, benda, mys'l'a, n'æ um'a, rob'æ, muv'a, muv'e, liče*; 2) -*am*, -*em*: *n'é v'ëm, n'æ v'ëm, tśimat, čekam, n'æ pom'entam, dam, ja xcem*. Последняя форма, объясняемая аналогией с *v'ëm, jem*, является типичной для польских говоров Литвы.

3 л. ед.ч.: окончания *-a*, *-i*, *-y* (*-i*), при этом окончания *-i*, *-y* (*-i*), как правило, произносятся и в соответствии с о.-польск. *-e*: *zam^heša*, *sciska*, *stoi*, *chođ*h*i*, *pastavi*, *vypažiš*h*e*, *daluoži*, *rospravadzi*, *pal^hoži*, *trafi*, *zm^heli*, *z**h**iji*, *pom^hoži*, *rozumi*, *pracuji*, *jidzi*, *poč*h*ni*, *bend*h*i*, *pokis*h*ni*, *pše*h*eji*, *ži*h*i* и т.д. Это явление Г. Турска рассматривает как результат обобщения *-i* (*-y*) в окончании, обращая при этом внимание на наличие нового *-i* (*-y*) на месте старого суффиксального *-e* в белорусских говорах [1982, 70]. Единично зафиксировано окончание *-e*: *poč*h*e*.

В 1 л. мн.ч. регулярным является окончание *-im*: *zmuvim*, *zmuvims'a*, *n'æ možit*, *pojedzim*. Однажды встретилась форма на *-mi*: *my im'emi*. В польских говорах Литвы известно окончание 1 л. мн.ч. *-imi* (*robimi*, *muvimi*). В идиолекте М.М. сходная форма объясняется, однако, стремлением избежать омонимии с формой 1 л. ед.ч. *im'em*. Характерно то, что в качестве альтернативной формы выступает форма с мягким, а не твердым согласным, как в о.-польском.

В 3 л. мн.ч. представлено окончание *-o*, *-ajo* (*-aj*h**, *-a*), в возвратных глаголах *-ons'e* (*-ans'e*), что является закономерным проявлением деназализации носового *-a*: *muv'o*, *zm^hel'o*, *zal^hejo*, *patsl^hodzo*, *zam^hešo*, *jedzo*, *vykačajo*, *puskajo*, *puščajo*, *vypuskaj*h**, *kačaja*, *stoja*, *pšixodzu*, *vykačaj*h**, *m'æškaj*h**, *dž'el'ons'e* *zmuv'ans'e*.

Будущее аналитическое вр. образуется сочетанием формы буд.вр. глагола *być* и инфинитива основного глагола: *il'æ bendzi koštovac*h**; *ja ... benda pil'n'ova(c*h*) c'eb'e*; *n'e benda s'p'evac*h**. Форма буд.вр., образуемая с помощью причастия на *ł* (*będę śpiewał*), в идиолекте М.М. отсутствует, что является обычным в польских говорах Виленщины.

В *прош. вр.* в 1 л. ед.ч. выступает окончание *-am* (*-em*, *-эм*): *ja bylam*, *ja chođzilam*, *popadlam*, *otkrylam*, *pšišlam*, *byłam*, *nosilam*, *pazapominalam*, *ja vybralem*, *ja n'æ słyšalam*, *vypav'edz'alam*, вне зависимости от родовой принадлежности. В идиолекте М.М. ни разу не отмечено форм типа *ja była*, которые довольно широко распространены в польских говорах Литвы. Как и в других польских говорах Литвы в идиолекте М.М. отсутствуют также о.-польск. формы типа *jam wybrał*.

Форма 1 л. мн.ч. образуется при помощи личного местоимения и причастия на *ł*: (*gdz'e*) *my n'e byli* / *gdz'e n'æ byli*, (*na m'ejscu*) *zostalis'a* *my*, *my muvili*, (*do Sużan jak*) *jaz'dzili*. Встретился один глагол 2 л. мн.ч. — *pisalis'(c*h*)a*.

Г Турска отмечает два типа парадигмы *прош.вр.* в виленском польском говоре: первый представлен глаголами с личными окончаниями (*robitem*, *robiteš* и т.д.); второй — причастием на *-ł* и личны-

ми местоимениями (*ja robił, ty robił* и т. п.); второй тип, по ее мнению, характерен для низших слоев, особенно для лиц, с недавних пор говорящих по-польски [1983, 21]. Очевидно, что в идиолекте М.М. представлено смешение этих двух типов, но при этом с некоторым “перевесом” в сторону первого в виде регулярного использования формы с личным окончанием в 1 л. ед.ч. Именно она из всех личных форм, кроме 3 л. ед./мн.ч. является наиболее частотной в речи.

В прош.вр. глагола, как и в других случаях, отсутствует различение лично-мужских и нелично-мужских форм: *uoni pãxodzili / nazvy te / to z' litesk'ego, jãz'dzili kuźda n'adz'el'a, čtery festy byli, tam polaki fšistk'a byli, gdz'e byli loŋ'ki, dz'eci obejmowali, n'ã st'ont vyjaxali.*

В 3 л. ед. и мн.ч. особенности проявляются в образовании отдельных форм: *zav'os, s'ont, s'ondli, šedli.*

Один раз встретилась форма, которую можно было бы рассматривать как *предпрошедшее вр.*: *pšudy xorovala apil'ëpsijej byla.*

Повелительное наклонение

Формы 2 л. ед.ч. образуются регулярно при помощи либо нулевой флексии: *vyl'ëč*, либо окончания на *-j*: *patšáj, čakáj, ótkryj*. Во мн.ч. к ним добавляется окончание *-c'e*: *mufc'e, zakupc'e, papros'c'a*. В повелительной форме *obejžéc'es'e* возможно влияние других форм этого глагола (*obejželis'ã*).

Отглагольные формы

Довольно широко представлено употребление конструкций с глагольными формами на *-šy*: *byla vyšetši, byli vuv'az'ona, byli poja-xafši, n'ã byli nigdz'e razjãxafšis'e, s'v'eca zapališši pšez l'usterka patšajo, zabrafšis'a najv'encaj mlodz'ãš po kuźdej xac'e pad okna padejdo, kačali i u nás zabrafšis'a, tu pšijaxafšy po pol'sku u nás rãznav'aj, i po rob'oc'e / i znančifšis'a c'enško / al'e z'b'eralis'a fšis'tk'e*. Возможно употребление формы на *-šy* без глагольной связки: *loz'n'aki tak'a zašetši, zašetši rojstami, jigla červona ta sama zrobiššis'a, ja s Čečenii pšijaxafši*. Функции таких глагольных форм в идиолекте М.М. сходны с описанными в литературе [см.: Адомавичюте–Чекмонас 1985, 12–17].

Из синтаксических особенностей отметим согласование по смыслу подлежащего (существительного с собирательным значением в ед.ч.) и сказуемого: *mlodz'ãš po kuźdej xac'e pad okna padejdo, cala v'oska sxodzili* и др. (аналогичное явление отмечается в: [Веренич 1992, 148]).

Еще одной особенностью является пропуск в составном сказуемом спрягаемой формы глагола *być* (*Jegomãnt n'ã bardzo dal'eko,*

to on v l^{es}a, my tak^æ m^æšancy, moja dz^afč^ŋka n^æzdrova, a teras...
 nic juš ^{ona} / n^æ x^{ora} / al^e na rozum n^æ taka, toš juš ten Pumpaloič
 juš tyl^a p^olak taki, Gravžiny i teras jaeščè v^oska / v^el^{ka}), а также ис-
 пользование формы 3 л. ед.ч. глагола буç в значении мн.ч.: *budyŋki
 jest*. Г Турска объясняет подобные формы влиянием русского язы-
 ка [1983, 22].

Грамматическая форма числа глагола, выступающего в качест-
 ве сказуемого в неопределенно-личных предложениях может меня-
 няться, как, напр., в следующем отрывке:

моŋка zm^el^o || ftenčas do jak^ego... sagany ftenčas davn^ej byli || do sa-
 gana | vodo... gor^onc^o zal^ejo | do p^eca pastavi | i ^{on} vupažis^e || to byva
 taki aš... do rudos^ci [...] || nu ji ftenčas pastavi | dal^ooži zimmæj vody | ros-
 pravadzi jeho | pastavi na p^ec | i on jaka... sutka poo... kisⁿⁱ na p^ecu || i
 ftenčas jak pšivykšⁱ | to xto ješčá... tam m^al zà co kupic^o... n^e cukru | al^e
 saxa^rina byla | nu tã... pats^oodzo | nu i bardzo... ŋubili || a potem... z mon^{ki}
 jak xce | pažili ^{ov}es || troxi zapažⁱ | nu i ftenčas ten ov^{es} zm^eli | pšes^eje
 | i nazvyvali tl^okna || nu to zam^eša ta moŋka... teras to juš n^ev^odom pars^oŋk
 èi jadby | davn^eje jedli | fšistk^e || ta tluokna zam^ešo v misca | nu ji... i jedzo.

Это явление связано с воздействием литовского языка, где, как
 известно, в 3 л. выступает одна форма для ед. и мн.ч.

В качестве обобщенно-личного сказуемого может выступать
 форма 3л.ед.ч.: *v Našiškax byla p^endz^o vlok; l^oŋki / ruznyx byla; vy-
 raznyx u nás žeš i n^æ byla nazváf na rojsty*; в этом случае обычно
 представлен глагол с окончанием *-a*, поэтому трудно было бы с уве-
 ренностью утверждать, что это форма ср.р. (лишь однажды встре-
 тилась форма на *-o*: *al^e tego to mn^e n^æ pšišlos^a*, наряду с: *mn^e n^æ
 pšišlos^a*). Наречия в этих же фразах сохраняют окончание *-o*: *tó by-
 la napevno; i pšestala to fšystko robic^a*; так что фонетические изме-
 ния вряд ли играют здесь решающую роль.

Частицы

Широко используются частицы *ni, vo, žeš, aŋa* (*axa*): *ni i p^eŋkn^æ
 byl^a, nu to fšendz^ox hodzili, nu a potam žeš, i ^{og}era zalóž ješčá vo, teras
 vo ... naša pul^oova z^emi, nu vo čekam s^on povinno juš ... pšis^c и под.*

В польском идиолекте Мальвины Марцинкявичене наблюдают-
 ся практически все особенности, которые характерны для "польшиз-
 ны виленской": отсутствие лично-мужской формы, переход слов
 ср.р. на *-o* в ж.р., тенденция к обобщению окончаний именных час-
 тей речи во мн.ч., обобщения в спряжении глаголов, особенности в

употреблении местоимений, старые формы числительных, глагольные формы на *-Źu* и др. Некоторые из явлений, широко распространенных в польских говорах Литвы, в идиолекте М.М. тем не менее отсутствуют или имеют свои особенности (употребление неопределенных местоимений на *-Źci*, разнообразие форм им.п. мн.ч. существительных, им.п. мн.ч. местоимения 3 л. и др.). Заметно употребление некоторых форм, соответствующих о.-польск. (см. формы существительных, употребление собирательных числительных; сюда же можно отнести и отсутствие выравнивания носовых гласных при словоизменении), не имеющих широкого распространения в польском языке крѣсов старшей поры. Очевидно, они могут быть объяснены стремлением М.М. к более правильной речи, которую она, возможно, слышала в семье своего сына или по радио, телевидению. С другой стороны, в идиолекте М.М. очевидно влияние литовского языка (напр., в области именных флексий, глаголов в 1 л. мн.ч. наст. вр., использование форм ед.ч. глагола в обобщенно-личных конструкциях и др.).

Те же качества (совпадение в основных чертах идиолекта М.М. с описаниями, данными Г Турской для межвоенного польского говора, при отсутствии некоторых ярких диалектных черт) отмечались выше в области фонетики.

Таким образом, анализ фонетических и морфологических особенностей речи М.М. показывает достаточно высокую степень сохранности польского говора в условиях двуязычия, без поддерживающего влияния школы, костела, что в свою очередь говорит о глубоких корнях такого явления, как польский язык Литвы.

В заключение для демонстрации особенностей связанной речи приведем два рассказа Мальвины Марцинкявичене.

Straxi

nu to v^{ie} | tu f P^{ie}c^{ie}uniŹkax tyx | wypadak | aya || nu zaŹet ten ubogi | do do tyx ŹeŹ | do Gatavec^{ck}ix || do gospadaŹaŹ | tam dva braci | po konu ^ooni Źili || nu ^oi ^oon pov^{ie}esils'a f s'en'ax | v noce | ten ubogi || nu uoni prosto fstali | obyдва braci | to muvi ŹeŹ | nu co robic' | mogo ċepic'aĉ da nās | ĉi co | uoni za tego n'eboŹĉika | vyn^{ie}s'li pod l...l'ās | Olkun's'ki l'as | n'aĉ bardzo dal'eko || podd ten l'as vynies'li jego | i pov'zsili na tej na d'embu taki(x) | nu i pov'a-sili jego | nu ¹...vvrax zajavili do policii ftenĉas | pŹjæxali | postavili straŹ | ll z GravŹan Za...Zavac'ki jidzi tam z Olkun | i zaŹet: tu straŹ stoj | i fŹistko | i

ten člov'æk visi l i jeho cygaretki jak m... l al'æ te nu pipk'e ta l fajka l f k'ešen'u ll to ten Zavac'ki vybral l sob'e pa...ruxal l papatšil l nu l muvi l juš... tob'e n'epatšebne l juš možna l nam jej vz'on's'c' ll al'e ... 'on n'a br'el l da k'e-šen'a znovu vložil l nu i pošet ll v'iečorem n'ema žadnego spokoju ll gdz'e n'æ jidzi l fšystko jedna teň žeš v'es'el'ca jemu [v očax] i doš'c' ll nu to m'šo za jeho zakupil l nu i muvi nic l uspakojila s'a ll a f tym dom'æ počela straxi pokazyvna'e ll gdz'e pov'esi's'a ll tam byl jednej kob'ety dz'ac'uk mac-l'eŋ'ki l nu to jak davn'ěj vambbi tak'æ byli l kolys'ki pav'eš'ona l nu to jak... počni s p'eca pal'anami žucac' l da téj kolys'ki ll nu to juš ta kob'eta xvyta čym prandzėj tego dz'æc'uka s kolys'ki l žeby juš n'æ zábilly ll nu i vie a puz'n'ej jak počni na l'uxc'æ vo ll to juš tam fšistk'ego l to ti jaka d'æža n'epatšebna l to co ll to jak počn'e vrucic' l pelne s'eni zavruci fšystk'im čym l juš l vys'c' n'e možna ll nu ji tak trvala kil'ko ... času ll p'otem oni udalis'a do ks'en-dza l do janis'k'ego ll nu ji... janis'ki ks'onc vz'ol arganistego l ji sv'emen'ej vody l i razam pojaxala tu ... 'ona učila ši(dz') dz'afč'iŋkof l moja mama u jej učilas'a šic' ll nu ji ... ta ... jixna juš ... učic'el'ka l ūna s Kafšen l Kafšen'uvna byla ll nu i pojaxali fšis'tk'e tam ll ks'onc muvi l obejžec'es'e l moža xto vas straši tyk'ò ll može to n'pravda ll obejželis'æ fšen'dz'e l nu nic l nigdz'e n'ema ll nu s'on'dli l a... arganisty byl s palečko ll x'od'zi sob'e po xac'e s to palečko l puz'n'ej s'ont l paleč'ka pši zyd'l'u pástavil ll tyko palečka padjelas'a v gura l i kren'cis'e jak vijurak l ta palečka ll nu ji juš uon l f straxu l a ks'onc zav'os l s'v'enconej vody l pástavil ta voda na stól ll nu i c'ò l i ftenčas tyko vz'ela i penkla ta butal'eč'ka l s s'v'en...cona voda l aya ll nu i juš cala obrona kon'čilas'a ll nu i davaj ftenčas l znof l fšystko l z l'uxtu l žucac' l tu l muvi l jak žuca l to pal'an'y tyko skšydayo po xac'æ ll nu i pabyli uon'e troxi l vyjs'c' juš n'æ možna pšez dž'vi l bo s'eni pelne zagružona l nu to uoni ... pšez okna l vyl'ez'li i pa ... arganisty l ješče tam byl...l'... byla juš takix l ta kob...pan'eŋka l co byla razem z jimi l nu i fšis'tk'e pájaxali da domu l nu ks'onc muvi l zakupc'e m'šo ll može pomoži ll nu to 'oni zakupili m'šo l a puz'n'ej muvi In...v Inturkax byla cerkv'a l i teras ješče 'ona stoji l al'e... l muvi l p'opa... papros'c'æ ll nnu to 'on teš počol modlic'a ll ji ot tego muvi l i pšestalo to fšystko robic'a ll

Čarovnicy

a vo... co ta l moja dz'afč'iŋ'ka l n'æzdrova l nu taka prosta ... pšudy xorovala apil'epsijej byla l a teras nic' juš 'ona l n'æ x'ora l al'e na rozum n'æ taka ll pšixodzu tu k'iedy d'vie ll muvi l že uoni z Onikšt l to jedna nu xto jej v'e l do cyganof bardzo podobna l al'æ n'e byla jak mn'e zapytac'a ll a druga vešla do m'æškan'a l muvi l ja...š Čečenii pšijaxafši l b'ěžency ll u nás l muvi l nas pšiv'ez'li do Vil'n'a čterdz'es'c'a l to ja popadlam dā 'Onikšt l i na m'æškan'a popadlam do téj ... kob'ety ll nu ūna muvi l u vás jest v m'æškan'u xory člov'ek ll to ja i muv'e l [n'øš...] stary l to juš l xory zašša ll n'ie l u vás jest mlody ll i ja moga vyl'ečic' ll al'æ to juš tu i ... 'ona xc'ala mn'e nadúce' ll ja muv'a l il'a bendzi koštovac' l sto litof daš ll dam l muv'a l vyl'ěč ll al'e ftenčas vez'niš ll jak vyl'ečiš ll nu ja xcem zobačit' l či možna jej vyl'ečic' ll kazala mn'e pulškl'aŋ-

ki v^ody l nu i ^ona pačela m^oodlic'α nat to vodo l i igla dac' ll nu ja vybralem jigla l nu mys'l'α čakáj ll juš' ja to fšystko jedna benda pil'n'ova(c') c'eb'e ll pałžiłaza tak vo na stol'e igla ll va tu ... s...s^oed'pi tak jak ja l ta škl'anĵka ll nu ona tam i žegnala i modlilas'α l al'æ d^oosic' može pa cygansku l ja n'e rozum'α l n'e naš...šy jenzyk ll nu i v^oe l ftenčas modlilas'α l modlilas'α l i uona kazala mn'e pšežegnac'α ll ja pšežegnalams'α ll ftenčas muvi l v^oo l patšáj ll kladna na tvoja renĵka 'igla ta ll od stolu dwumi pal'comi 'igla tak vo ll nu i zaxiliła i mojæ pal'cy svojimi zaxiliła ll nu i... teras muvi l zmuvim fšys'tk'æ "ojčā nas" ll vy mufc'e obb'ed'v'e l jak um'ec'æ juš l s tój l z' jej kol'ežanĵko l a ja l muvi l na svojim jenzyku l bo ja ... n'æ um'æ ll

my muvili pa litefsku z' jó l s to kob'eto ll nu i ftenčas a ja tšimam renĵka žeš l ftenčas ^otkryła ll ^ona muvi l ^otkrył pal'cy ll ja otkrylam renĵka l jigla červona ta sama zrobifšis'α ll ona muvi l jež'li pom^ooži l to jigla kol'or z'm'eni ll nu to vidzi l to žeš juš ... mn'e samej byla to ll drug'æ muv'o l a l ^ošustka jaka ll može uona tam i xc'ala tyko [vycofac' l ona muvi mn'e tšeba xoc'] pul^oova teras na čarne s'v^oecy ll i ja dvanas'c'α godzin v n^oocy benda modlic'α l čarne s'v^oecy mn'e tšeba zapalic' ll nu al'e ja n'e pšistalam dā jēj l jedna že n'æ m'alam p'e-^ondza l pa drugo i tak n'æ pšistalom ll juš' jež'li doxorov'e... co tšinas'c'æ l'at... na pl'ecax nosiləm i ruz'n'æ l do Vil'n'a jæz'dzili l vozili l l'acyli l gdz'e my n'e byli l gdz'e n'æ byli l z' jo ll to juš' ja liče l že i tutej n'e bardzo vyl'ečĵ ll

ЛИТЕРАТУРА

- Адомавичоте, И.Э., Чекмонас, В.Н. 1985: Грамматические литуанизмы в польских периферийных говорах, *Studia nad polszczyzną kresową*, t. 3, 7-21.
- Веренич, В.Л. 1992: Говор села Яшуны Литовской ССР (к характеристике польских говоров белорусско-литовского пограничья, *Studia nad polszczyzną kresową*, t. 1, 139-150.
- Масленикова, Л.И. 1973: Некоторые особенности категории среднего рода в польском говоре деревни Оряны Литовской ССР, in *Польские говоры в СССР*, ч. 2: Исследования и материалы 1969-1971 гг., Минск, 73-96.
- Паршута, Г 1985: О диалектной лексике польских говоров на территории Латвийской ССР, *Studia nad polszczyzną kresową*, t. 3, 133-145.
- Czyżewski, F. 1995: Uwagi o gwarze osady Widze koło Brańsławia na Białorusi, *Studia nad polszczyzną kresową*, t. 8, 71-87.
- Kurcowa, Z. 1993: *Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI-XX w.*, Warszawa-Kraków.
- Turska, H. 1982: О powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie, *Studia nad polszczyzną kresową*, t. 1, 15-23.
- Turska, H. 1983: *Język polski na Wileńszczyźnie*, *Studia nad polszczyzną kresową*, t. 2, 15-23.